

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

УЗ6

Серия «Любовь и другие хэппи-энды»

Laura Jane Williams

OUR STOP

Originally published in the English language by HarperCollins
Publishers Ltd.

Перевод с английского *М. Новиковой*

Художественное оформление *В. Лебедевой*

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers
Limited.

Уильямс, Лора Джейн.

УЗ6 Наша остановка : [роман] / Лора Джейн Уильямс ;
[перевод с английского М. Новиковой]. — Москва:
Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Любовь и другие
хэппи-энды).

ISBN 978-5-17-119171-9

Надя садится на этот ранний поезд в метро каждое утро... ну, почти каждое утро. За исключением дней, когда просыпает. Или выпивает слишком много вина в гостях у подруги. Или что-нибудь еще.

Дэниэл не пропускает этот ранний поезд никогда — просто у него бессонница. А еще он равнодушен к Наде, но стесняется подойти. Стесняется настолько, что решает обратиться к «прекрасной незнакомке» через объявление в газете.

Но есть ли шанс познакомиться таким старомодным способом в современном мегаполисе, с его быстрым темпом и шумным метро, с его неоновыми огнями и неизменными стаканчиками кофе по утрам?

В мегаполисе, где так легко разминуться и разехаться навсегда...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© Laura Jane Williams, 2019

© Перевод. М. Новикова, 2019

ISBN 978-5-17-119171-9

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Глава 1

Надя

«Черт, черт, черт!»
Надя Филдинг неслась вниз по эскалатору к станции метро, и подошвы ее новых босоножек громко шлепали под ногами. Тот, кто не сторонился ее, услышав поток ругательств, был бесцеремонно оттолкнут в сторону — а такое случалось почти на каждой ступеньке. Надя проклинала себя за то, что вообще когда-то зашла в Инстаграм, и проклинала блогершу, создавшую с убогими черными босоножками настолько элегантный — и практичный! — образ, что отказаться от покупки оказалось невозможно. Она уже натерла себе мозоль. «Чтоб тебя, @whiskyandwhimsies, — думала Надя. — Пусть твоя следующая спонсируемая поездка на Амальфитанское побережье будет провальной».

Кофе едва держался в руке, сумка соскальзывала с плеча, солнечные очки отказывались держаться на голове — сущий хаос, но Надя должна успеть к половине восьмого. Начался первый день Нового Порядка, Который Изменит Ее Жизнь, и этот Новый Порядок не предусматривал опоздания на поезд.

Надя старалась изо всех сил. В последнее время она все больше превращалась в «сову» из «жаворонка»

(а если подумать, она знала людей, которые могли выполнить «недельный план» до завтрака!), чаще и чаще нажимала на будильнике «отложить» по утрам — и это потому, что спать ложилась за полночь, а вечерами заживалась с Эммой и Габи (но у нее же разбито сердце! а вино так хорошо помогает!). Она приходила на работу вовремя лишь раз в неделю, обычно по понедельникам. Надя благодарила Господа, что живет одна в квартире матери и ей не нужно ни с кем снимать жилье, — а это значит, во сколько бы она ни встала, очередь в ванную ей не грозит.

Понедельник — вечный Новый Старт, но стоило Наде вечером залипнуть на Нетфликсе, как настрой понемногу сбивался. Она была очень сознательна утром — и до ланча тоже. А вот вечера понедельника все портили. И ничего с этим не поделаешь. Рабочая неделя оказывалась такой мучительно долгой... Надя всю жизнь старалась бороться с собой. Она постоянно была на пределе, и это до смерти надоело. В статье вездесущего «БаззФида» это называлось «Миллениальным выгоранием». Но не сказать, чтобы Надя растрчивала себя на какие-то великие дела — нет, но недавно она всего за три недели разделалась с семьей сезонами «Хорошей жены». Однако, к сожалению, за умение выпивать и смотреть на американских адвокатш, одетых в невозможно короткие юбки и бросающих дерзкие реплики на проявления шовинизма, денег не платят. Таким образом, в жизни творилась какая-то неразбериха. До этого дня. Сегодня — первый день ее новой жизни.

Пресловутый Новый Старт не должен сбить настрой Нового Порядка, Который Изменит Ее Жизнь, — очевидно же, сам по себе Новый Порядок просто не может не преуспеть, в отличие от предыдущих попыток. В этот раз все будет по-другому. Надя стала на ступеньку выше прежней себя. Теперь она женщина, которая

заготавливает еду на всю неделю и хранит ее в «Тапер-вере»; женщина, которой не приходится за неделю до отпуска менять загранпаспорт по непомерной цене, вместо того чтобы еще тремя месяцами ранее заметить, что его срок годности истек; которая не теряется при виде сложного бланка на почте. Теперь она будет дамой компетентной и уверенной во всем. У такой женщины все вещи отутюжены и аккуратно сложены в шкафу — ей не приходится в спешке гладить сморщенное платье из «энд Азер Сторис» за пять минут до марш-броска к автобусу. Когда этот план обернется реальностью, Надя станет сигнальным огоньком ЗОЖа. Больше «Намасте»* вместо «нама-спать». Она бы была самой Гвинет Пэлтроу Стамфорд-Хилла, только с зубами чуточку хуже.

— Простите! Извините! — кричала она не кому-то конкретному, а всем сразу на бегу, уже приближаясь к платформе. Сама Надя обычно ненавидела людей, которые толкали ее по пути в метро или на автобусную остановку, как будто только им одним важно прибыть куда-то вовремя. Уже не раз она срывалась на подобных спешащих криком: «Извиняю!» Но сегодня, этим утром, она сама была той эгоисткой, прорывающейся сквозь толпу, и у нее не оказалось времени сокрушаться по этому поводу. Новая Надя была поглубже прежней, но, черт возьми, она и более пунктуальная! (Она вдруг вспомнила пронзительное сопрано школьной учительницы английского, распеваящую: «Прийти раньше — значит прийти вовремя; прийти вовремя — значит опоздать... А опоздания совершенно неприемлемы!»)

— Подожди! Нет! — завизжала Надя. Всего четыре шага отделяли ее от поезда, и она, бежавшая со всей

* Намасте — индийское и непальское приветствие; на занятиях йогой учителя обычно таким образом приветствуют свою группу. — *Здесь и далее: примеч. пер.*

возможной скоростью, успела бы внутрь вагона, если бы кто-то, игнорируя правила пользования общественным транспортом Лондона, придержал двери. — Стой-стой-стой! — Ее голос достиг такой высоты, что только дельфины смогли бы ее услышать. Как в замедленной съемке, вытянулась вперед рука, отодвинула дверь, и Надя влетела внутрь; очки «Рей-Бэн» упали на глаза, затемнив все вокруг и временно лишив возможности видеть. Ну наконец-то. Удалось.

«Еще немного практики, — самодовольно подумала Надя, пробормотав “спасибо” и заняв единственное свободное место, прихлебывая кофе, — и я добью эту новую рутину». Требовалось немало усилий и самопохвалы, но спустя целых полтора часа Наде было приятно осознать, что пока она следует всем наложенным новым укладом правилам. Девяносто минут по плану — в любом случае это лучше, чем девяносто минут провала.

Новый Порядок, Который Изменит Ее Жизнь, включал еще несколько пунктов, помимо прибытия на платформу точно к половине восьмого утра, чтобы успеть на поезд от Энджела к Лондон-Бридж. И вот они:

- Спать не менее семи часов в сутки и ложиться не позже одиннадцати ночи — а это значит, что в одиннадцать нужно уже все выключить и закрыть глаза, а не засесть на три часа, упорно просматривая все новости в Инстаграме и Твиттере. Закономерно, что после такой ночи так трудно встать по будильнику. А потом она еще удивляется, почему у других людей жизнь куда проще и чудеснее, чем у нее.

- Подъем в шесть утра, пятнадцать минут медитации, а после — зажечь соевую свечу и собираться на работу в спокойствии и безмятежности, в манере Опры или, может, герцогини Сассекской.

- Вместо покупного тройного экстрабольшого капучино, именно из-за которого, Надя не сомневалась, у нее и выскакивают прыщики (она слышала в трейлере документального фильма о гормонах, содержащихся в молоке), варить «пуленепробиваемый кофе» и переливать в многоразовую переносную кружку. Она узнала о «пуленепробиваемом кофе» от голливудской звезды, делившейся секретами своей жизни и ведущей прямые трансляции в Инстаграме: она добавляет пресное масло в утренний эспрессо для регулирования пищеварения и энергетики. («Это как делать зеленый смузи с ванильным мороженым», — заявила мама в своем имейле, на которое Надя, к сожалению, не смогла научно-обоснованно возразить. «По крайней мере, я забочусь о природе, готовя с собой кофе в “КипКап”» — ответила она, удивляясь, однако, тому, что в чем-то мама, может быть, и права.)

- Верить в любовь. Лишь потому, что ее Ужасный Бен оказался действительно ужасным, нельзя разочаровываться во всех мужчинах на свете.

Надя также планировала отныне приходить в офис раньше всех. Она работала в компании, занимающейся разработкой искусственного интеллекта — развивающейся технологии, которая могла принимать решения самостоятельно и таким образом заменить людей в простейших сферах деятельности — как загрузка полок и расклеивание этикеток на коробки; а в будущем должна и вовсе сама вести все работы на складах компании. Надя намеревалась теперь всегда побыстрому просматривать разработки прототипов за предыдущий день перед собраниями, которые за шесть-семь минут отрыва ее от основной работы способны сбить концентрацию и довести до слез или истерики (последнее зависит от дня цикла).

Однако утреннее довольство собой не продлилось долго. Поезд резко остановился, и во время глотка кофе из «КипКапа» пролился прямо на подол светлоголубого платья и просочился на бедра.

«Черт», — выругалась она снова, будто она, женщина во главе команды из шести человек, зарабатывающая 38 тысяч фунтов в год и имеющая две степени, не знает других слов.

Подруга Эмма называла зависимость Нади от кофе «регулировкой состояния». Ей требовался кофеин, чтобы нормально функционировать. Надя простонала, ругая себя за то, что теперь весь день придется ходить в грязной одежде. Ей сильно недостает изысканности — разве та же проклятущая Меган Маркл позволяет себе испачкаться в завтраке?

Надя достала телефон и написала лучшей подруге Эмме, в надежде на поддержку этим понедельничным утром.

«Утречко! Не хочешь на недельке глянуть новый фильм с Брэдли Купером? Так в моем дневнике была бы хоть одна запись о чем-то волнующем...»

Она сидела в ожидании ответа. В поезде было жарко, даже в такую рань, и по шее с затылка потекла капелька пота. Почувствовав неприятный запах, Надя обеспокоилась, не исходит ли он от нее.

Надя, притворившись, что кашляет, украдкой приподняла плечо и наклонилась к подмышке. От нее пахло антиперспирантом. Она что-то читала о том, что дезодоранты могут вызвать рак груди, и пробовала несколько недель пользоваться «кристаллом»* как натуральной альтернативой, но Эмма неясными терминами втолковала ей, что он бесполезен. Теперь Надя была на сто процентов пропитана алюминиевым — блоки-

* Натуральный дезодорант из алюмокалиевых квасцов в виде прозрачного камня.

рующим потоотделение — антиперспирантом «Дав» с запахом огурца и зеленого чая.

Успокоившись, она осмотрелась в поисках виновника и заметила группу туристов, дискутирующих над картой, няню с тремя светловолосыми детками и симпатичного мужчину, читающего газету, прислонившись к дверям. Он почти не отличался от моделей с реклам сети «Джон Льюис». Взгляд Нади наконец упал на мокрые пятна под мышками парня, стоявшего перед ней, его промежность была прямо перед глазами. Как вульгарно. Утренние поездки на работу — это как Ноев ковчег, где животные утрамбованы в одно помещение, неестественно близко друг к другу. Совокупность запахов походила на те, что витают субботними днями в «СпортсДирект».

Надя ждала своей остановки, инертно оглядывая вагон и стараясь меньше дышать. Она лениво перевела взгляд на мужчину у дверей — того, что читал газету. «Это мой тип», — невольно подумала она, с интересом и смущением наблюдая, как сделанные на заказ брюки, танцую на ветру, облегают его бедра. Зазвонил телефон. Надя отвлеклась на сообщение Эммы и забыла о мужчине.

Глава 2

Дэниел

Дэниел Вайсман не мог в это поверить. Когда поезд остановился на станции «Энджел», она выскользнула из-за угла. Он придержал для нее двери, и дыхание перехватило — прямо как в песне Тэйлор Свифт о безобидном начале, счастливом конце и любви, предначертанной самой судьбой. Конечно, Дэниел не настолько сентиментален. Но он всегда становился немного странным, взволнованным и слащавым, когда думал о ней. Она сильно на него влияла и Дэниелу нелегко было удержать полет фантазии.

Он постарался взглянуть на нее со своей позиции у дверей — она пробралась к центру вагона. Дэниел видел лишь ее голову. Ее волосы всегда были в беспорядке, но не так, будто она не следила за собой, а так, словно она только что пережила какое-то приключение или возвращалась с пляжа. Наверняка, это явление как-то называлось, но Дэниел не знал такого слова. Что он знал наверняка — так это что она явно в его вкусе. Так неловко: во время каждой рекламной паузы во время показа «Виллы страсти» была девчонка, очень похожая на нее, и если бы через некоторое время Дэниел не увидел ее вживую (проклятая реклама!), она

стала бы пределом его мечтаний. Как же стыдно, в самом деле.

«Вилла страсти» — летнее комедийное реалити-шоу, полное романтики и соблазнения. Дэниел вел себя так, будто ему жутко надоело, что всегда в девять вечера начинается это шоу, и он по чистой случайности в 20:58 оказывается перед широким экраном телевизора в большом кресле гостиной с чашечкой чая. Лоренцо, его сосед по квартире, делал вид, что не замечает совпадения, и они по вечерам, довольные, вместе смотрели телевизор. Никто не произносил этого вслух — и по поведению Лоренцо тоже ничего нельзя было сказать, — но оба хотели остепениться и найти себе пару и поэтому смотрели ежедневное шоу, демонстрирующее реальные отношения. Дэниелу это помогало повысить самоуверенность, он воспринимал это как урок. Прошлым вечером один паренек, очевидный неудачник, наконец нашел свою любовь. И вот настал такой момент и для Дэниела. Он не хотел быть неудачником. Из-за этого шоу ему казалось, что он должен попробовать с этой женщиной. Просто чтобы посмотреть, что получится.

Дэниел не мог не восторгаться такому совпадению. Какова вероятность, что она пройдет прямо перед его носом тем же утром, когда опубликовали его заметку? Они едут в одном поезде, в одно и то же время — и это уже чередой случайностей, сегодня — не первый день. Дэниел заставил себя дышать глубже. Он сделал это — разместил объявление в «Упущенных контактах» — и, может, оно привлечет ее внимание. Но внезапно его охватил страх: вдруг она узнает, что это он? Что, если она рассмеется ему в лицо и обзовет неудачником? Глупым мечтателем? Что, если она расскажет всем на работе — на ее работе или на его, — как он жалок

и как только посмел предположить, будто подходит ей? Возможно, она запустит настоящий флэшмоб в Твиттере или разместит его фотографию в Инстаграме. С одной стороны, Дэниел знал, что она слишком хороша, чтобы поступать так жестоко. С другой же стороны, голосок в голове нашептывал ему, что именно этим все и обернется. Он помотал головой в надежде прогнать эти мысли. Любовь сводила его с ума. Неужели он действительно влюблен до безумия?

«Это не любовь, приятель, — сказал ему Лоренцо, даже не потрудившись отвести взгляд от телика. — Ты просто хочешь ее трахнуть».

Дэниел не хотел ее «просто трахнуть». Все совсем не так. И возможно, не стоит вот так пялиться на нее издалека. Это как-то странно. Просто, ну... Добиваться женщины, как бы удивительно это ни звучало, немного сложнее, чем кажется. Едва он мог попытаться подобраться к ней, неспешно, словно поездной маньяк, как она притворится, будто подошла ее остановка, и выйдет, чтобы проскользнуть в другой вагон. И что-то подсказывало ему: если хочешь соблазнить женщину, не стоит размещать о ней объявление в газете и воровато выслеживать ее по Мургейту — не очень-то это этично. Дэниел старался быть романтичным и в то же время сохранить лицо. И надеялся, что пока хорошо получается.

В его фантазиях все развивалось так: читая газету, она увидит объявление, немедленно поднимет взгляд и заметит его у дверей, как и было написано, — их глаза встретятся, она робко улыбнется, а он подойдет и скажет: «Привет». Это «Привет» стало бы их началом. Прямо как в кино. Но в этом кино их не разделяла бы пятерка испанских туристов, окруживших карту, и однородный гомон толпы не прерывался бы время

от времени объявлениями вроде неправильно произнесенного «Лейзестер-сквер». Твою мать. И где она? Боже, все это — суший кошмар.

Поезд остановился на платформе Лондон-Бридж, и Дэниел наконец увидел ее: она спешила сквозь толпу к выходу, а момент, который он себе представлял, ментально померк перед глазами. Никакой вспышки света, и весь мир не замедлился, когда их глаза встретились (не как причина, а как следствие). Она едва взглянула на него, когда он придержал ей дверь и помог запрыгнуть в поезд — она очень спешила, была чем-то озабочена, а «спасибо» прозвучало как небрежный выдох, когда она пробежала мимо. Стараясь не отставать от нее, Дэниел понял, что разочарован и в себе, и в самой ситуации. Он неделями представлял этот день, а в результате... ничего.

Она внезапно остановилась, уткнувшись в телефон, посреди шагающей толпы, но не мог же и он замедлить шаг, не говоря уж о том, чтобы остановиться рядом. Поэтому Дэниел прошел дальше и подождал ее у выхода. Он не знал, зачем. Наверное, просто чтобы ее увидеть. Чтобы вновь посмотреть на нее в этот особенный для него день, напомнить себе, что все происходит по-настоящему, что она — настоящая, и пусть все пошло не по плану.

Позже, когда Дэниел станет рассказывать Лоренцо, как прошло утро, он упустит этот момент — о том, что он ждал ее. И что он делает? Он ведь не собирался заговорить с ней. В конце концов, она имеет право на то, чтобы он ее не беспокоил. Дэниел снова качнул головой. «Ну давай, приятель, возьми себя в руки», — велел он себе. Дэниел поспешил в офис, сердце бешено колотилось в груди.

Он все испортил.